

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ) / LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.135.85>

ФЕНОМЕН ИРОНИИ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Научная статья

Яковлева С.Л.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0001-5166-0699;

¹Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова, Казань, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (zavkaf1[at]gmail.com)

Аннотация

Феномен иронии представляет собой многогранное явление, активно разрабатываемое представителями различных наук и различных семиотических систем, начиная с античных времен. Она рассматривается как стилистический троп, ситуация и идея. Данная статья посвящена репрезентации и анализу различных форм иронии на материале научно-популярного лингвистического текста современного британского автора и журналиста Марка Форсайта, которого можно назвать писателем-ироником. Его обширный труд описывает этимологию слов, принадлежащих к разным областям жизни, но связанных между собой в соответствии с происхождением. Характерной чертой его авторского идиостиля является наличие вербальной иронии, создаваемой при помощи всего спектра стратегий: лексических (метафора, гиперболы, антонимия, игра слов, полисемия); риторических (восклицание и риторический вопрос); интертекстуальных (интертекст и эхо-упоминание); логических приемов (нарушение причинно-следственных связей) и семантических (противоречие здравому смыслу).

Ключевые слова: этимология, вербальная ирония, научно-популярный лингвистический текст, Марк Форсайт, прием создания иронии.

THE PHENOMENON OF IRONY IN POPULAR SCIENCE LINGUISTIC TEXT

Research article

Yakovleva S.L.^{1,*}

¹ORCID : 0000-0001-5166-0699;

¹Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation

* Corresponding author (zavkaf1[at]gmail.com)

Abstract

The phenomenon of irony is a multifaceted phenomenon actively developed by representatives of various sciences and different semiotic systems since antiquity. It is regarded as a stylistic trope, situation and idea. This article is dedicated to the representation and analysis of various forms of irony on the material of a popular scientific linguistic text of a modern British author and journalist Mark Forsyth, who can be called an ironic writer. His extensive work describes the etymology of words belonging to different areas of life, but related to each other according to their origin. A characteristic trait of his author's idiosyncrasy is the presence of verbal irony, created with the help of a full range of strategies: lexical (metaphor, hyperbole, antonymy, wordplay, polysemy); rhetorical (exclamation and rhetorical question); intertextual (intertext and echo-recall); logical techniques (violation of cause-and-effect relationships) and semantic (contradiction of common sense).

Keywords: etymology, verbal irony, popular science linguistic text, Mark Forsyth, irony creation technique.

Введение

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами: во-первых, сохранением интереса к изучению иронии, ее проявлениям и функциям в различных видах дискурсов и нарративов на протяжении многих веков; во-вторых, ирония являет собой многогранный феномен, представляемый в тексте имплицитно и эксплицитно и создаваемый при помощи различных стратегий; в-третьих, необходимостью рассмотрения условий и предпосылок для понимания данного явления реципиентами.

Объект исследования – феномен иронии в научно-популярном лингвистическом тексте.

Предмет исследования – лексико-семантические, синтаксические, логические и когнитивные формы реализации вербальной иронии в научно-популярном лингвистическом тексте.

Феномен иронии весьма привлекателен для исследователя научно-популярного лингвистического дискурса, поскольку требует от получателя определенных фоновых знаний, вызванных значительным количеством интертекстуальных включений.

Цель исследования состоит в изучении феномена иронии в научно-популярном лингвистическом тексте и выявлении ее основных характеристик.

Цель исследования предполагает реализацию следующих задач:

- 1) определить лингвостилистические приемы и средства иронии;
- 2) установить ее текстообразующие особенности;
- 3) рассмотреть функции иронии в научно-популярном лингвистическом тексте.

Методы исследования включают метод сплошной выборки, контекстологический и семантический анализ, лингвокультурологический анализ.

Британского писателя Марка Форсайта (*Mark Forsyth*) можно с полным правом назвать писателем-ироником. Его удивительный талант рассказывать о происхождении слов в английском языке в увлекательной манере, пронизанной иронией, делает его одним из самых известных авторов и журналистов, работающих в жанре научно-популярной лингвистики.

Материалом исследования послужила его книга об этимологии английских слов: *The Etymologicon. A Circular Stroll Through the Hidden Connections of the English Language*, которая, начиная с 2011 г. переиздавалась несколько раз [8]. Автор назвал ее круговой или кольцевой прогулкой по скрытым связям английского языка, поскольку от одной лексемы он переходит к другой, показывая такие отношения между ними, о которых читатель иногда просто не подозревает. К примеру, в чем состоит связь между колбасным ядом и ботоксом? Чем обусловлено наименование терминов? Что послужило мотивировочным признаком для наименований *садизм* и *мазохизм*? Ироничность является очевидной индивидуальной чертой авторского стиля М. Форсайта. Авторская ирония обладает глубиной воздействия на получателя и требует от него активной работы мысли, в основе которой лежат определенные когнитивные механизмы.

Методы исследования включают метод сплошной выборки, контекстологический и семантический анализ, лингвокультурологический анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

В отечественной и зарубежной лингвистике частнонаучный анализ различных аспектов иронии отличается многоплановостью и глубиной исследования. Существуют различные подходы к определению иронии. Д. Уилсон и Д. Спербер определяют иронию как способ метакоммуникации; она возникает как эхо, в результате упоминания того, что уже было сказано ранее, поэтому их теория называется ирония-как-эхо [9]. Согласно ей, интерпретация высказывания зависит от контекста, именно тогда возникает максимальный эффект от ее использования, а реципиенту требуется определенный коммуникативный опыт, который ему позволит идентифицировать иронию.

Ирония как дискурсивная практика, независимая от сферы коммуникации, в когнитивном, семантическом и прагматическом аспектах представлена в трудах К.М. Шилихиной. Среди стратегий создания иронии исследовательница выделяет вербальную, риторическую и когнитивную, что свидетельствует о том, что ирония не может рассматриваться лишь как троп, а для ее реализации используется семь различных видов тактик [6, С. 124]. В работе З.А. Заврумова ирония представлена как многомерный феномен, характеризующийся прагмасемантическими и лингвокультурологическими особенностями [2]. Е.И. Каличкина описала лингвокультурные особенности политической коммуникации [3]. Ирония в англоязычном устном речевом дискурсе получила освещение в исследовании В.Н. Туякова [5]. Лингвокогнитивные характеристики иронических высказываний в немецкой публицистике представлены И.А. Котюровой, согласно исследованию которой, в подавляющем большинстве случаев языковые фреймы служат экспликации фреймов-концептов, фреймов-сценариев и фреймов-установок, на которых фокусируется ирония [4, С. 114].

Термин имеет «зонтиковый» характер, поскольку под иронией понимают и стилистическое средство, и ситуацию в целом, и идеи. Нас интересуют, прежде всего, способ достижения иронического эффекта, лексико-семантические и синтаксические средства вербальной иронии, участвующие в ее образовании и то, каким образом осуществляется восприятие иронии и ее декодирование реципиентами.

Автор создает иронию на основе несоответствия двух семантических параметров:

- 1) между отдельными элементами высказывания;
- 2) между высказыванием и реальной ситуацией.

О.П. Ермакова определяет иронию как «один из видов языковой манипуляции, которая заключается в употреблении слова, выражения или целого высказывания (в том числе и текста большого объема) в смысле, противоречащем буквальному (чаще всего в противоположном) с целью насмешки» [1, С. 7].

К.М. Шилихина указывает, что ирония имеет две функции: создания отношений авторитетности (доминирования) и функции развлечения адресата / аудитории [6, С. 18]. Обе эти функции представлены в рассматриваемом тексте.

Приемы создания иронии продуцируются в ситуативном контексте. Согласно теории иронии как «значимой неуместности» С. Аггардо, ирония возникает, если высказывание или его элемент контекстуально неуместны, но при этом обладают релевантностью для коммуникантов [7].

Рассмотрим следующую ситуацию: описывая игру в средневековой Франции, состоявшую в том, что участники выставляют некую сумму денег, и первый, кто забьет курицу камнем, получает весь куш, автор пишет:

«Но вы никогда не говорите об этом защитникам прав животных» (*здесь и далее перевод автора*) [8, С. 3].

Поскольку французы, будучи французами, как иронично замечает Форсайт, называли эту игру *a game of poule*, французский эквивалент «курицы», то в XVII веке слово «пул» перешло в другие сферы игрового бизнеса: сумма денег на столе – это пул. В 1941 г. появилось сочетание *gene pool* (рус.: генофонд), что, «в соответствии с этимологией означает, что все это немного куры» [8, С. 4].

В представленном выше примере ирония становится горькой: в сознании реципиента возникают связи с идеями о сохранении генофонда планеты, включающего различные виды животных и растений, некоторые из которых безвозвратно утеряны, и уж конечно, человечеству следует сохранить себя как вид и защищать человека от неблагоприятных воздействий внешней среды, избавляться от вредных привычек и стремиться к уничтожению насилия.

Если подходить к классификации данного вида иронии в соответствии со взглядами Сюэю Чжанг, то здесь мы имеем пример не легкой вербальной иронии, предназначенной для развлечения реципиента, а тяжелой, поскольку автор при ее помощи выражает критику [10, С. 216-218].

Мы видим также, что ироническое высказывание имеет буквальное значение и косвенное. Реципиент вначале понимает прямое значение высказывания, а затем соотносит его с контекстом, осознавая, что между ними существует определенное несоответствие, после этого извлекается смысл высказывания. Рассмотрим следующий пример:

«К сожалению, папируса в Англии было очень мало, поэтому вместо него мы использовали овечью шкуру, и вы тоже можете. Сейчас дам рецепт» [8, С. 37].

Как правило, получателю дается рецепт, следуя которому он может выполнить то или иное действие. В данном случае М. Форсайт описывает весьма сложный и трудно исполнимый способ получения материала для письма из овечьей шкуры, который включает 14 этапов: типа убить овцу, снять с нее шкуру (но не наоборот); два дня вымачивать ее в пиве и т.д.). «В результате многоразового складывания получают мягкую обложку для масс-маркета», – заключает автор. Адресат понимает ироничность высказывания, обладая сведениями о том, что никакого массового рынка в те давние времена просто не могло быть и вряд ли кто прибегнет к получению основы для письма средневековым способом, что лишает эту информацию истинности.

Описывая происхождение наименований составных частей воздуха – кислорода, водорода и азота, автор рассказывает историю возникновения терминов. Кислород вначале назывался просто *flammable air* – *горючий воздух*; естественно, сочетание не имело научного налета, которым обладают все термины. «Научные слова должны иметь непонятное классическое происхождение, с целью звучать внушительно для тех, кто не знаком с идиопатической черепно-лицевой эритемой, провоцируемой приливом крови к лицу» [8, С. 5], – саркастически замечает автор.

Французский ученый Лавуазье решил, что воздух, производящий воду при горении, следует назвать *water-producer*, но, будучи ученым, он облек это сочетание в греческий язык – *hydro-gen*; *acid-maker* (производящий кислоты) становится *oxy-gen*, а естественный источник азота *nitre* – *nitro-gen*. Инертный газ *аргон* ничего не производит, поэтому его и назвали *argon*, что в переводе с греческого означает *ленивый* [8, С. 5].

В рассматриваемом произведении преимущественным способом создания иронии является несоответствие семантических параметров отдельных элементов высказывания смыслу целого сообщения, что прослеживается в многочисленных фрагментах текста.

Во время боя в средние века, когда стрела могла попасть в любую часть тела, рыцари знали, что им следует защитить прежде всего и использовали гюльфик – элемент доспеха, бронированный треугольник.

«К примеру, огромный гюльфик Генриха VIII являл собой сочетание эффективности и непристойности и так блеснул, что мог повергнуть врага в паническое отступление» [8, С. 8].

Эффект неожиданности обусловлен несоответствием между описанием части рыцарских доспехов с результатом их воздействия на врага, в основе ироничного воздействия лежит стилистический прием гиперболы.

Для извлечения смысла исходного сообщения иногда требуется иметь представление об истории Соединенных Штатов и Великобритании, легендах и известных персоналиях. Один из эпизодов книги описывает историю реальной дочери вождя индейского племени Покахонтас, жившей в Вирджинии в XVI веке, и английского капитана Джона Смита, которого, по преданию, она спасла от смерти. После очередной неудачной попытки его ликвидации жестокие колонисты сказали Покахонтас, что Джон Смит мертв. Она залилась слезами, осознавая, что он потерян навеки.

«На самом деле он не был мертв, он просто составлял словарь» [8, С. 9].

Эффект комического создается на основе противопоставления двух семантических параметров: несоответствия между состоянием физического объекта и родом его занятий. Подготовленный читатель знает, что Джон Смит был автором исторического описания Вирджинии: *The True Travels, Adventures and Observations of Captaine Iohn Smith, in Europe, Asia, Africke, and America: Beginning about the Yeere 1593, and Continued to this Present 1629* [1819] и других работ, связанных с этими землями. Заметим однако, что словарь он не составлял, этим занимался Уильям Смит почти три века спустя.

В приведенном фрагменте присутствует синтаксический параллелизм, построенный на противопоставлении двух действий.

Классическое понимание иронии как риторического тропа заключается в том, что она связана с такими образными стилистическими средствами как метафора, метонимия и гипербола, что находит многочисленные подтверждения в различных фрагментах на протяжении всего повествования М. Форсайта.

К примеру, называя «Потерянный рай» Мильтона самым эпическим произведением на английском языке, автор достигает иронического эффекта, используя гиперболу, считая произведение знаменитого английского писателя «единственным эпическим произведением на английском языке, которое кто-либо удосужился написать и единственным, кто когда-либо удосужился прочесть» [8, С. 14].

Гипербола лежит в основе возникновения иронии и следующего фрагмента:

«*Dream* – *мечта* происходит от англо-саксонского *happiness* – *счастье*. В этом есть смысл, поскольку вследствие дождливой погоды *счастье* всегда оставалось *мечтой*, а люди всегда отличались ленью. Я сам ленив. Попросите меня вымыть посуду, и я скажу: «Через пять минут». Пять минут обычно значит *никогда*. Если же меня попросят о чем-то важном для моего выживания, я отвечу: «Минуточку», что обычно значит в течение часа, однако без твердых гарантий с моей стороны» [8, С. 17].

В ответ на невинный вопрос случайного посетителя кафе о происхождении некоего слова автор обрушивает на него огромный объем информации, в котором первый вообще не нуждался.

«Но было слишком поздно, метафорические шлюзы открылись, и лошадь рванула вперед» [8, С. 17].

Метафорическое сравнение водного потока с потоком речи помогает реципиенту представить тот огромный объем информации, которым владел автор, и который ему просто необходимо было на кого-либо излить. Перенос из одной понятийной сферы в другую способствует пониманию ироничности высказывания.

Синтаксический параллелизм на основе глаголов с антонимичной семантикой наблюдается в высказывании: «Обычно хот-доги вас не убивают, но могут» [8, С. 21].

Иронический эффект достигается на основе противопоставления двух частей высказывания с противоположной семантикой, что наблюдается и в следующем фрагменте:

«В начале XIX века жил один немец, которого звали Юстинус Кернер, когда он не занимался сочинительством тоскливых швабских стихов, он работал врачом. Его поэтическое творчество по праву забыто, а медицинское открытие – нет» [8, С. 21].

Эффект обманутого ожидания, вызванный несоответствием эмоциональной реакции участников коммуникации, характерен для всего текста М. Форсайта в целом. Например, он пишет:

«В 1895 году в Бельгии во время одной из поминок подали ветчину, от которой три человека скончались, что, конечно, обрадовало гробовщиков» [8, С. 21].

Далее совершенно в иронической манере, сопряженной с насмешкой и даже сарказмом, автор описывает возникновение модной популярной медицинской процедуры:

«Вскоре обнаружилось, что токсин ботулизма может вызывать омолаживание лица, однако оно становилось после этого несколько странным и неспособным отражать эмоции, но кого это волнует, если вы будете выглядеть моложе на несколько лет? ... Внезапно колбасный яд стал шиком. Пожилые дамы превратились в женщин среднего возраста! Голливудские актрисы смогли продлить карьеру на долгие годы. Конечно, никто уже не называет средство колбасным ядом, что звучит не гламурно. Его даже не называют ботулотоксин, поскольку каждый понимает, что токсины – это плохо; теперь, когда он стал шиком, его называют *ботокс*» [8, С. 22].

Реципиент строит в своем сознании цепочку: испорченная ветчина – смерть – медицинское применение – омолаживающая процедура, понимая язвительное отношение автора к некоторым мотивировочным признакам, лежащим в основании номинации, способными звучать *не гламурно, без шика*.

Для извлечения смысла следующего высказывания вполне достаточно знания физики в рамках школьной программы:

«Стреляя из лука, следует целиться несколько ниже цели в надежде избежать влияния причиняющего беспокойство, хлопотного открытия Ньютона» [8, С. 21].

Имплицитное высказывание легко декодируется реципиентом как открытие Ньютоном закона всемирного тяготения, описывающего воздействие гравитации на земные объекты.

Ирония сопровождается нарушением смысловой целостности (некогерентностью). Рассмотрим следующий фрагмент:

«В Оксфордском словаре английского языка указывается, что в среднеанглийском еще не было понятно, означало ли *blac, blak, blacke* «темный, черный» или *pale, colourless, wan, livid* – «бледный, бесцветный, белый». Вероятно, находились люди, которым было ужасно неудобно заказывать кофе!» [8, С. 25].

Данный фрагмент строится на использовании иронии, которую называют абсурдной или сюрреалистической. Адресат извлекает смысл, которого не могло быть в реальной исторической ситуации, поскольку сообщаемая информация является ложной, что и придает ироничность высказыванию.

Еще одним примером сюрреалистической иронии может служить описание воинственного кочевого народа – носителя праиндоевропейского языка. Их потомки – индоевропейцы заселили огромные пространства Евразии; однако их самоназвание остается науке неизвестным:

«Ужасно давно, четыре тысячи лет назад до рождения Иисуса из Назарета, жили люди между Черным и Каспийским морями. ... Как они себя называли, мы не знаем, потому что в то время еще не было письменности и даже интернета не было» [8, С. 31].

Ироничность высказыванию придает понимание того, что автор использует факт отсутствия письменности и современных технологий намеренно, противопоставляя исторический период и характерные для него достижения.

Далее М. Форсайт продолжает: «Вероятно, они захватывали земли своих соседей, однако происходило это весьма скверно. Вместо того чтобы нападать в одном направлении общими усилиями, они рассеялись и напали там, и сям. Некоторые осели на севере Индии, другие – в Персии. Кто-то двинулся в холодные дождливые земли Балтики, другие направились в Грецию и стали греками. А кто-то потерялся и оказался в Италии, что в целом, как-бы мягче выразиться, – просто бардак» [8, С. 31].

Хотя смысл выражен имплицитно, автор надеется на декодирование смысла реципиентом путем сопоставления семантической и ситуационной информации, в ироничной манере излагая расселение народов по миру и возникновение различных индоевропейских языков, при этом употребляя лексику разговорного стиля (*там-сям, бардак*).

Описывая этимологию шахматных терминов «шах» и «мат», Форсайт указывает, «что в вульгарную латынь слово вошло как *scaccus*, в вульгарный французский (весь французский вульгарный) как *eschec*, а в английский как *chess*» [8, С. 28].

Под вульгарной латынью понимается разговорный язык народных масс Римского государства в 3-2 веках до новой эры. Такого термина как «вульгарный французский» не существует. Французский язык возник из вульгарной латыни под влиянием кельтского языка, на котором говорили в Галлии. Иронический эффект создается вследствие многозначности имени прилагательного «вульгарный», имеющего значения: *простонародный, вульгарный, пошлый*.

В рассматриваемом произведении языковая игра является основой текстообразующей иронии в целом.

В качестве приемов создания иронии может служить антропоцентризм, когда автор использует олицетворения, приписывая свойства человека разумного другим представителям мира животных:

«Овцы совершенно пренебрежительно относятся к своей внешности, поэтому прежде чем их шерсть превратится в мягкий, теплый джемпер, ее требуется вычесать» [8, С. 35].

Рассмотрим пример прототипической иронии, которая, как правило, сводится к антифразису, когда говорят одно, а имеют в виду нечто противоположное с целью критики какого-либо явления, ситуации или объекта:

«Затем появился некий умник (*some clever fellow*), решивший, что...» [8, С. 44].

Несмотря на то, что имя прилагательное *clever* имеет положительную коннотацию (*умный*) при анализе ситуационной информации мы понимаем, что в данном контексте оно имеет абсолютно противоположное значение, поскольку далее автор описывает ошибочное толкование этимологии слова этим интерпретатором. Иронический эффект создается на основе несоответствия семантики слова и конкретной референциальной ситуации.

В отдельных фрагментах мы наблюдаем несоответствие значений высказывания и значений говорящего (по П. Грайсу). Например, противопоставляя идеи двух знаменитых психоаналитиков Зигмунда Фрейда и Карла Густава Юнга, М. Форсайт замечает, что после создания термина «психоанализ», «вероятно, Фрейд был настолько доволен собой, что обленился, потому что все остальные слова из области психологии принадлежат Юнгу [8, С. 48]. ... Создав свою собственную форму психоанализа, Юнг посчитал, что имеет все права на введение в научный обиход других терминов. Так появились *интроверты* и *экстраверты*, *синхроничность* и *амбивалентный*. И на этом он сел почивать на лаврах и размышлять о своих бабушках и дедушках» [8, С. 48].

Для понимания иронического смысла высказывания реципиенту следует обладать некоторыми интертекстуальными знаниями из области психологии и психоанализа и отличием подходов Фрейда и Юнга, поскольку задачей аналитической психологии Юнг считал толкование архетипических образов, возникающих у пациентов, наличие коллективного разума и коллективной души.

Для создания эффекта комического используются определенные риторические приемы. Приведем пример рассуждения автора о происхождении слова «бабочка»:

«Наверное, бабочки (*butterflies*) каким-то образом и связаны с маслом, но никто не знает, как. ... Объяснение может крыться в том, что большинство бабочек желтого цвета, что наводит на аналогию с маслом. ... или то, что бабочки, как и все мы, тоже испытывают позывы, а их экскременты желтого цвета, как масло [8, С. 45]. ... Вы можете спросить себя, и что это за человек такой, который наблюдает за какашками бабочек? Вероятно, голландец, поскольку в староголландском языке бабочек называли *boterschijte* (букв.: *масло* и *дерьмо*)» [8, С. 45].

Используемая в данном фрагменте вопросительная конструкция нередко употребляется для создания ироничного высказывания научно-популярного лингвистического текста.

Приведем еще один пример ложного высказывания, связанного с интертекстом, которое реципиент интерпретирует как ироническое: «Племена франков жестоко мучили галлов: они заставляли их есть чеснок и слушать пластинки Джонни Холлидея» [8, С. 75].

Как известно, чеснок является одним из главных ингредиентов французской кухни, а Джонни Холлидей – популярнейших французский рок-певец, композитор и актер XX века.

Заключение

Анализ эмпирического материала показал, что в качестве лексических приемов создания иронии используются метафора, гипербола, антонимы, игра слов, полисемия. Риторические приемы включают восклицание и риторический вопрос. Интертекстуальные связаны с интертекстом и эхо-упоминанием. Для логических приемов, реализующих когнитивную стратегию, характерно нарушение причинно-следственных связей, а семантических – противоречие здравому смыслу.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Лебединская В.Г., Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.135.85.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Lebedinskaya V.G., Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.135.85.1>

Список литературы / References

1. Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка / О.П. Ермакова. — Калуга: Изд-во КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. — 204 с.
2. Заврумов З.А. Феномен иронии в художественном тексте: прагмасемантический и лингвокультурологический аспекты : дис ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Заврумов Зуар Асланович. — Махачкала, 2017. — 317 с.
3. Каличкина Т.И. Ирония как способ экспликации лингвокультурных особенностей современной политической коммуникации : дис ... канд. филол. наук : 5.9.5 / Каличкина Тамара Игоревна. — М., 2023. — 605 с.
4. Котюрова И.А. Лингвокогнитивный аспект иронических высказываний в современной немецкой публицистике / И.А. Котюрова // Дискуссия. — 2011. — № 6(14). — С. 111-114.
5. Туяков В.Н. Ирония в англоязычном устном речевом дискурсе и особенности ее просодической реализации: на материале британских телесериалов и ток-шоу : дис ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Туяков Валерий Николаевич. — М., 2017. — 175 с.
6. Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Шилихина Ксения Михайловна. — Воронеж, 2014. — 399 с.
7. Attardo S. Irony as Relevant Inappropriateness / S. Attardo // Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader. — New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. — P. 135-172.
8. Forsyth M. The Etymologicon. A Circular Stroll Through the Hidden Connections of the English Language / M. Forsyth. — London: Icon Books, 2016. — 252 p.

9. Wilson D. On Verbal Irony / D. Wilson, D. Sperber // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader / Ed. by H.L. Colston, R.W. Gibbs. — New York; London: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. — P. 35-56.
10. Zhang X. English Rhetoric / X. Zhang. — 2005. — 268 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ermakova O.P. Ironiya i yeyo rol v zhizni yazyka [Irony and Its Role in the Life of the Language] / O.P. Ermakova. — Kaluga: K.E. Tsiolkovsky KSPU Publishing House, 2005. — 204 p. [in Russian]
2. Zavrumov Z.A. Fenomen ironii v khudozhestvennom tekste: pragmasemantichesky i lingvokulturologichesky aspekty [The Phenomenon of Irony in the Artistic Text: Pragmatic and Linguocultural Aspects] : diss. ... Doctorate in Philology : 10.02.20 / Zavrumov Zaur Aslanovich. — Makhachkala, 2017. — 317 p. [in Russian]
3. Kalichkina T.I. Ironiya kak sposob eksplikatsii lingvokulturnykh osobennostey sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Irony as a Way to Explicate the Cultural Features of Modern Political Communication] : diss. ... PhD in Philology : 5.9.5 / Kalichkina Tamara Igorevna. — M., 2022. — 605 p. [in Russian]
4. Kotyurova I.A. Lingvokognitivnyy aspekt ironicheskikh vyskazyvaniy v sovremennoy nemetskoj publitsistike [Linguocognitive Aspect of Ironic Statements in Modern German Journalism] / Kotyurova I.A. // Diskussiya [Discussion]. — 2011. — № 6(14). — P. 111-114. [in Russian]
5. Tuyakov V.N. Ironiya v angloyazychnom ustnom delovom diskurse i osobennosti yeyo prosodicheskoy realizatsii: na materiale britanskikh serialov i tok-shou [Irony in the English-Language Spoken Discourse and Features of Its Prosodic Implementation: on the Material of the British TV Series and Talk Shows] : diss. ... PhD in Philology : 10.02.04 / Tuyakov Valery Nikolaevich. — M., 2017. — 175 p. [in Russian]
6. Shilikhina K.M. Diskursivnaya praktika ironii: kognitivnyy, diskursivnyy i pragmaticheskiy aspekty [Discursive Practice of Irony: Cognitive, Semantic and Pragmatic Aspects] : diss. ... Doctorate in Philology : 10.02.19 / Shilikhina Kseniya Mikhailovna. — Voronezh, 2014. — 399 p. [in Russian]
7. Attardo S. Irony as Relevant Inappropriateness / S. Attardo // Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader. — New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. — P. 135-172.
8. Forsyth M. The Etymologicon. A Circular Stroll Through the Hidden Connections of the English Language / M. Forsyth. — London: Icon Books, 2016. — 252 p.
9. Wilson D. On Verbal Irony / D. Wilson, D. Sperber // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader / Ed. by H.L. Colston, R.W. Gibbs. — New York; London: Lawrence Erlbaum Associates, 2007. — P. 35-56.
10. Zhang X. English Rhetoric / X. Zhang. — 2005. — 268 p.